

Народные певцы и музыканты

Е. МЕЛЬНИК

ВАРЖЕНСКИЕ
ПЕВИЦЫ
И ИХ ПЕСНИ

МОСКВА
«СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР»

В одном из самых отдаленных уголков Великоустюгского района Вологодской области течет, причудливо извиваясь среди луговых цветов и трав чуть ли не в рост человека, маленькая речка Варжа, приток Юга. Земли здесь отличаются плодородием, поэтому люди издавна охотно селились в этих местах. Небольшие деревни располагались по берегам рек «гнездами», причем вся административная и культурная жизнь такого «гнезда» обычно была связана с более крупным селом или погостом, а те, в свою очередь, тяготели к городу — Великому Устюгу.

Историческая судьба Устюга и связанных с ним земель сложилась так, что уже в XVIII веке они оказались в стороне от торговых и военных путей России. В условиях известной замкнутости началось интенсивное внутреннее развитие. Именно с этим периодом и связан расцвет местных «песенных школ», каждой из которых был присущ своеобразный музыкальный стиль.

Варженские песни всегда можно безошибочно отличить от других, но вместе с тем, когда слушаешь их, сразу возникают в памяти песни Каргополья, Северной Двины, вятские песни, связанные с варженскими глубокой общностью происхождения и исторической судьбы.

В этом и состоит одно из удивительных качеств традиционного крестьянского искусства: оно обладает внутренней цельностью, стилевым единством — при всем многообразии местных песенных особенностей.

Участники студенческой фольклорной экспедиции Ленинградской консерватории впервые побывали на Варже в 1976 году. Мы были поражены новым для нас звучанием (в соседних, известных нам до этого районах Вологодской области пели совсем иначе!), жанровым многообразием репертуара, большим числом прекрасных песенных коллективов. Почти в каждой деревне находились люди, помнившие и с охотой исполнявшие старинные песни.

Однако во всех деревнях нас посылали в Ворошнино и Мякинницыно: «Вот уж там песенницы, так песенницы...». И действительно, ансамбли деревень Ворошнино и Мякинницыно ярко выделяются среди коллективов соседних деревень мастерством варьирования, слитностью звучания, богатством и широтой репертуара. В их исполнении можно услышать и свадебные, и лирические, и плясовые песни, и замечательные старинные многоголосные частушки, которые здесь называют «короткими песнями». Знают варженские певицы и старинные солдатские песни.

Летом 1977 года в Великоустюгский район отправилась вторая экспедиция¹. Вскоре после этого, в октябре 1977 года, песенницы из деревень Ворошнино и Мякинницыно приехали в Ленинград на юбилейный этнографический концерт. Тогда же они были записаны на пластинку².

Участницы коллективов — женщины пожилые, примерно одного возраста. И судьбы у них схожие. Работали в колхозе, в трудовые годы выезжали в Архангельскую область на лесозаготовки. Многие потеряли мужей в войну. Жизнь прожили нелегкую, но с песней никогда не расставались («Песни-то петь — и работа легче. Спина заболит, и спину не замечаешь — поешь»). В деревне Мякинницыно среди певиц, знающих старинные песни, выделяются своей па-

¹ Руководителем первой экспедиции был А. М. Мехнецов, руководителем второй — автор брошюры.

² Грампластинка «Фольклорный ансамбль деревень Ворошнино и Мякинницыно Вологодской области» была выпущена в 1979 году фирмой «Мелодия» (С 22—11709—10).

мятью, музыкальностью, любовью к пению Мария Ивановна Третьякова, Екатерина Васильевна Сдрогова, Антонина Васильевна Жерихина, Прасковья Ивановна Попова, Елизавета Федоровна Даровицына, Агния Акиндиновна Бутова. Ядро коллектива деревни Ворошнино составляют Агния Федоровна Ворошнина, Александра Федоровна Ворошнина, Мария Григорьевна Ворошнина, Евфалия Михайловна Сергеева. Главной же песенницей по праву считается Агния Федоровна: она и песни все знает «с краю» (с начала), и голос у нее сильный, яркий — «баской». Неповторимую окраску в пение ворошнинских певиц вносит восьмидесятилетняя Анна Степановна Ворошнина.

Ансамбль деревни Ворошнино. Фольклорная экспедиция 1976 г.

...Удивительное чувство овладевает тобой, когда впервыеходишь в незнакомый дом, к новым людям, которые через несколько часов, через десятки спетых песен станут понятными и близкими!

Подружки-голубушки,
Сидитѣ — призадумались,
Сидитѣ — призадумались,
Чужих басен заслушались,
Будто петь у вас нечего,
Припевать будто некого.
Вы припойтѣ, подруженьки,
Мне родимого батюшку.
Ты приди ко мне, батюшка,
Ко мне в куть за занавесу,
За тонку полотняную,
За шиту перебраную.
Не томи меня сегодня —
Я и так притомилася,
Хлеба-соли лишилася.
Я без ветру шатаюся,
Без дождя уливаюся...

Лица певиц сосредоточенны и серьезны. Такие разные лица в одинаково повязанных платках... И у всех руки лежат на коленях — узловатые, старческие пальцы. Нет, они не тяжелые, эти натруженные крестьянские руки — легкие, живые. Они вздрагивают в такт каким-то внутренним движениям поющих, скрытым от нас. Руки женщин — книга их судьбы, их биография. Они с любовью прикасаются ко всему, что живет в их мире: это и земля-матушка, и коровушка, и детская головка, это лес, поле и река, это родной дом и все, что в нем есть. Огромный мир, где все родное, все близкое и понятное — от движения светил до дрожащих капель росы на траве, когда косишь утром «до свету». Этот мир обжит и устроен крестьянским сознанием как взаимосвязанная, органичная целостность. В этом мире человеку хорошо и «устойчиво»: ведь он — важная, необходимая часть этого целого. Ощущение себя частью своей семьи, своей деревни, чувство причастности к социальной жизни

коллектива возникает у крестьянина как естественная, необходимая потребность, обусловленная самой жизнью. Это ощущение воспитывается живым примером окружающих и словом старших с самого раннего детства и поддерживает человека всю жизнь, помогает ему находить верную линию поведения в самых трудных обстоятельствах. Народные исполнители, люди чаще всего пожилые, в беседах нередко рассказывают о событиях своей жизни, перекрещивающихся с историей нашей страны. Поразительно, как они говорят о гражданской войне, о коллективизации и работе на лесозаготовках, о Великой Отечественной войне («У! сколько всего было! А крепок человек...»)! Они рассказывают об этом спокойно, с четким сознанием необходимости жить и работать, исполнять свой главный долг и предназначение: беречь землю и детей, растить хлеб, воспитывать тех, кто пойдет за ними, кто будет потом вместо них делать все это, тех, кто будет все это защищать...

Жизненно важное для человека ощущение своей причастности к жизни коллектива, всего крестьянского «мира» (да и мира как целого) поддерживается в людях традицией, памятью. Глубина этой памяти исключительно велика: она включает в себя продуктивный опыт многих десятков прошлых поколений, связывая живущих теперь с теми, кто жил, мыслил и чувствовал раньше. Трудовые и художественные традиции складывались в стройную систему, в которой особенно важное значение придавалось общению членов коллектива. Социальная жизнь была тесно связана с ритмичным чередованием труда и отдыха, праздников и будней, повседневности и обряда, пребывания наедине с собой или близкими людьми и действия в массе народа.

В этой системе одно из ключевых мест принадлежит песне. Для наших исполнительниц песня — необходимая часть их жизни. Постоянная спутница женщины-крестьянки от колыбели до могилы, песня связана в ее сознании с круговоротом трудового года и особенно с «веком человеческим».

Мир художественных образов северной русской крестьянки, рожденный жизнью, многообразен и един. И начался он с песни — с колыбельной песни. Маленький человек, еще в колыбели вслушиваясь в интонации песни, запоминает их на всю жизнь. Интонации эти, вместе с родной речью, неповторимой «музыкой» местного говора, голосом матери или бабушки входят в жизнь ребенка как знак добра, света, радости, покоя. Правда, не всем выпадала радость в детстве слушать колыбельные песни. «Какие песни, работала ведь! — рассказала нам женщина в одной деревне, — с ребенком свекровь оставалась. По зыбке как даст долонью (ладонью) — ребенок под подушечку и не выглядывает... а я зареву и побегу на работу...».

На нашу просьбу спеть колыбельную женщины обычно охотно откликались, вспоминая свое детство или дорогие минуты, проведенные наедине с ребенком.

Я качала-окала да по головке хлопала,
По головке хлопала да маму с поля гаркала:
— Приди, маменька, домой да пообедаем с тобой¹.

Молодость отпечаталась в сознании наших исполнительниц так ярко, что только диву даешься, насколько свежи, полны конкретных деталей их воспоминания о праздниках и гуляньях, о захватывающей радости совместной работы, о подругах и ребятах-товарищах. Поэтичен мир народных земледельческих праздников: цветы и травы, девичьи гадания о суженом — вся природа заодно с играющей молодежью! Это у нее, у природы, у тайных ее сил, вызывающих к жизни рост и цветение всего живого, спрашивает девушка о своей судьбе: «Десятого—одиннадцатого числа июля, в канун Петрова дня, крапиву надо заломить, нагнуть и сказать: «Будет ли он мой?». Если встанет — то сбудется. Или цветы трав — разных-разных — связать букетиком — и под голову. Суженый и приснится: должен придти за букетиком... А вот на Иванов день так

¹ Налев см. в разделе «Песни», № 1.

гадали: пойди в поле, отсчитай девятую борозду, да и сядь в рожь — что почудится? Спросишь: «Где мой суженый?» С какой стороны забрякает, оттуда и жених.»

В календарных праздниках непременно присутствуют состязания в силе и ловкости. Весной ребята ставили для себя и девушек «круглую качулю» (качели), играли в мяч. На масленицу парни и девушки парами катались с гор по настеленным шестам, что, конечно, требовало большой смелости и сноровки. На Егорьев день устраивали конные состязания — скачки: у кого кони лучше? Устраивали и «кулачные бои». «Вот на гулянье один круг — пляшут, а другой круг молодёшок (молодых парней) и мужиков — борются. С бороться шибко сёрдцо-то и начиналось — ссоры эти». Боролись, тем не менее, по известным правилам, недопустимые приемы немедленно пресекались: «Были у нас борцы такие, что руки выламывали, — так одного парня в реку загнали за это».

В праздники жители окрестных деревень сходились на гулянье к церкви в Мякинницыно. «Все пивные праздники пели», — рассказывали исполнительницы. «Пивными» считались большие праздники, к которым варили пиво: это, в первую очередь, местные общинные праздники. Гуляли и на «пóмоцах», вечером после работы — плясали под песни и под гармонь, пели частушки.

Удивительно изящные по голосоведению местные многоголосные медленные частушки («короткие песни»)¹, плясовые песни — внутренне упругие, энергичные, но отнюдь не скорые², виртуозная гармошечная игра составляли неотъемлемую часть многолюдных гуляний на большие праздники. Звучали на них и многоголосно распетые «романсы», лирические песни наиболее позднего слоя, и традиционные старинные лирические песни³. Однако этот репертуар ис-

¹ См. раздел «Песни», № 15.

² См. раздел «Песни», № 16—20.

³ См. раздел «Песни», № 9—14.

полняли взрослые мужчины и женщины — «девок» на праздники (как и на свадебный пир) не пускали («за позор считали»). Конечно же, молодежь в своем кругу, часто потихоньку от взрослых, училась плясать, петь частушки и плясовые песни. Их не возбранялось петь на зимних молодежных «игрищах» в избе. «Откупят избу в святки и пляшут. И в будни собирались: у тебя, а потом у меня, — рассказывали нам певички. — Уже лет с четырнадцати девки ходили на прядельницы (беседы), а там пели, играли в игры разные. Парни придут, и с парнями играли». Варженские певички знают много детских и молодежных игр с песнями — «Ходит Борисушко» (№ 4), «Хожу я, гуляю вдоль по хороводу» (№ 5), «У дядюшки Трифона» (№ 2), «Летели две птички» (№ 3), «Как по морю», «Зайка». Напевы игровых песен близки, они отлились в четкую интонационную форму, которая тесно связана с самой игровой ситуацией. Большинство игр представляет собой выбор пары: так играют песни «Ходит Борисушко», «Хожу я, гуляю», «Как по морю». Детские игры «У дядюшки Трифона», «Летели две птички» представляют собой тип игры «делай как я», и песни в них выполняют важную организующую функцию.

Цыганёнышок не бел — загорел, да
Сами знаете — не в горенке сидел, да
В полевой работке жаром загорел, да
Не коскя́я¹ в поле травонька, да
За колечко бранит мамонька, да
Не брани, родная мамка, не боюсь, да
В воскресеньё побасча́е² наряжусь!

Удивительно разнообразны плясовые песни Варжи. Их тексты, полные молодого задора, тонкого и мягкого юмора, распетые в многослойной аккордовой фактуре, пленяют

¹ Не коскя́я травонька — трава, которую неудобно косить.

² Побасча́е — покрасивее, от ба́ско — красиво.

Ансамбль деревни Ворошино. 1976 г.

своим светлым образным строем. Эти песни в свое время были важной частью музыкального быта деревенской молодежи. Они и сейчас составляют почти треть репертуара варженских коллективов.

Плясовые песни пелись на святочных «игрищах», в избе или весной на улице, на гуляньях. Собирались девушки, начинали плясать. Пока не пришли парни с гармошкой, плясали «кадрель» под песни. «Кадрель» могли плясать вчетвером (две пары), а могли и просто двигаться по кругу, притопывая и свободно поворачиваясь. Очевидно, здесь хореография и напевы «кадрели» формировались на основе традиционных круговых хороводов, постепенно вытесняя их в условиях меняющегося музыкального быта деревни начала нашего века. Мелодико-ритмические «формулы» варженских плясовых песен представляют собой наиболее распространенные в различных областях России типы хороводных песен (см. песни «Веселко» — № 16, «Я вечер, молода» — № 17, и другие).

Кроме плясовых песен, под пляску исполнялись и частушки-припевки. Исполнители называют их «короткими песнями на новый голос», в отличие от частушек на «прежний», или «пологий» голос, которые пелись в лесу, по дороге с поля, на «посиденках» наряду с лирическими песнями. Как правило, в частушках «на пологий голос» видны черты музыкального языка, свойственные местным традиционным жанрам, в первую очередь — лирическим песням. «Короткие на новый голос» (то есть плясовые припевки-частушки) легко сопоставимы по своему стилю с плясовыми песнями, такими, например, как песня «Красива девушка ка вила кудерышка» (№ 19).

«В старину говорили наши матери: краса до венца, а ум до конца; а нонче люди живут на день, передней (будущей) жизни не укладывают», — так начала свой рассказ о старинной свадьбе одна из наших исполнительниц.

Свадьба была центральным, наиболее ярким и значительным событием в жизни женщины-крестьянки. Исподволь, с детства готовили, воспитывали в девочке будущую жену и мать. И это не мудрено: ведь духовные и материальные начала семьи были в руках женщины — хозяйки и воспитательницы. Здоровье всех членов семьи, их счастье и благополучие часто зависело от того, насколько готова она была исполнять свои нелегкие обязанности. Поэтому традиционный свадебный обряд призван был утвердить в сознании брачующихся, и в первую очередь невесты, важность и ответственность, равно как и необратимость происходящих событий. Неспешно разворачиваясь во времени, обряд был нацелен на то, чтобы установить особую атмосферу приподнятости и серьезности.

Свадебные песни, звучащие в ключевых моментах, концентрируют в себе эмоциональное содержание обрядовых действий. Они поются на два основных напева. С первым¹ напевом исполняются песенные тексты, комментирующие обрядовое действие (их большинство), со вторым² — величания. Оба напева поются неспешно и торжественно, подстать самому течению обрядового действия — будь то прощание невесты с родными (исполняется с первым напевом) или величание жениха (исполняется со вторым напевом). Эта особая художественно-образная сфера и определяет глубокую стилевую общность напевов, различных по своей обрядовой функции. Особое место на свадебном «княжем» пиру принадлежит припевке «Чарочка» (№ 8), которую пели каждому гостю, когда с поклоном подносили ему стакан домашнего пива.

Свадьба на Варже в старину длилась долго — неделю и больше. В свадебный цикл входили сватовство, «малые смотрецы» (во время «смотрцов» стороны окончательно уговаривались о дне свадьбы, количестве гостей, даров,

¹ См. раздел «Песни», № 6.

² См. раздел «Песни», № 7.

приданого), «срок» (в «срок» невеста шила дары родне жениха), «большие смотри», на которых невесту торжественно передавали жениху, венчание, «стрéтины» и пир в доме жениха. Пир длился два дня, после чего все ехали на «перегостку» к родителям невесты.

Кроме этих основных моментов, особо выделялись утро в день венца и «белая баня». В это время невеста, особенно невеста-сирота, причитала. Как правило, она просто плакала, раскачивалась, приговаривая и охая. Ей начинали петь песни на «малых смотряцах».

Стоит в поле сосёнка
Зелена-зеленёшенька.
Одного-то пруту нету —
Да родимого батюшки...

Во время «срока» иногда устраивали «шитник»; подружки невесты и другие девушки и женщины приходили помогать невесте шить. Вечером их угощали, иногда устраивали «пляску». На «шитнике» девушки пели невесте частушки, а она должна была причитать.

Особенно важным моментом в варженской свадьбе был канун венчального дня. Утром готовилась баня. Невеста мылась с подругами, потом девушки вели с песнями ее домой, а она причитала. После бани невеста отдыхала, девушки же отправлялись до вечера домой. «Девка — девка и есть: поднарядится», — рассказывала А. Ф. Ворошнина. К вечеру собирались родные невесты, подружки, приходили соседи поглядеть. Ждали приезда женихова поезда. «Женихи» приезжали обычно к вечеру, часам к одиннадцати. Задолго до этого невеста прощалась со своей роднёй и подругами. Девушки пели приведенную выше песню «Подружки-голубушки». Под нее отец или брат подходил к невесте, прощался с ней, целовал ее, потом с поклоном выпивал стакан пива и клал «на сдárьё» денежку (то есть отдаривал денежкой). Невеста причитала. Так припевали всех родных и подружек. Вот, наконец, слышен звон колокольцев и ширкунчиков (бубенцов). Скорее закрывают

дверь в избу, а дружка между тем уже бежит на крыльцо, входит на «мост»¹.

Вьон на реке, вьон на реке
Извиваётся, извиваётся.
Ой, дружка у ворот, дружка у ворот
Убивается, убивается.
— Ой, дайте моё, дайте моё,
Дайте суженоё, дайте ряженоё...

Пока песню не споют, двери не открывают. Дружка у закрытых дверей говорит — «дружит»:

Нашим коням
Не давайте осинowych дров!
Они попинают, полягают
И с того сыты бывают.
Ваших стен погрызут
И нас обратно домой увезут!

«Сычи» (люди, которые пришли поглядеть на свадьбу) загадывают дружке загадки: отгадаешь — впустим, не отгадаешь — поезжай обратно! Опытный дружка должен быть находчивым.

— Вилы или грабли?
— Не вилы и не грабли, а у нас кони храбры.
— Медведь на запоре.
— У нас жених наготове!

Наконец загадки отгаданы, и женихов «поезд» заходит в избу. Поезжане садятся за столы. Девушки начинают наряжать невесту. Дружка с приговорами несет ей подарок от жениха:

Ехал я, дружка, молодой, новображный,
Чистыми полями,
Зелеными лугами,
Темными лесами.
Доехал до сырого дуба!
С этого дуба соскочила куня!

¹ Мост — сени в северо-русской избе, переход между избой и крытым двором, куда ведет вход с крыльца.

Поехал я, дружка, молодой, новображный,
По куньему следу,
Доехал до деревни:
Деревня как город, дом как терем.
У этого двора подворотенка полá —
Проскочила куна.
Отдайте кунницу!
Не отдадите кунницу — отдайте красну девицу!
Не отдадите красную девицу —
Отдайте сто рублей штрафа да красну рубаху,
Я поеду домой!
А ты, невеста, вставай на куньи ножки,
Прирастут собольи.
Не будь гордлива, не будь ломлива —
Будь покорна, будь поклонна!
Прошу покорно подарочки принять!

Подарок — лента, мыло, гребенка, чулки. Невеста должна умыться жениховым мылом, чтобы быть краше и жить лучше.

Вот невеста готова. Жених выводит ее из кути¹ за руку и ведет за стол. Но не так-то просто посадить ее за стол рядом с собой — на ее месте сидит маленький крестник невесты: «Выкупай крестну!». Жених откупается денежкой. Молодые встают за стол.

Ой, из кути по лавке
Всё бояра сидят,
всё бояра сидят.
Ой, кто из бояр, кто из бояр
У нас лучше всех, у нас лучше всех?²

Так величают молодых и всех поезжан. Начинается пир. Сидят за столами всю ночь, а утром едут к венцу. В доме жениха молодых уже ждут. Встречают с хлебом-солью, с пивом, обсыпают житом, кладут подстилки под ноги — «чтобы жили не голо».

¹ Куть (или кут) — хозяйственный угол в избе, отделенный занавеской или деревянной переборкой от «суток» — парадной части избы.

² См. раздел «Песни», № 7.

Соколы вы, соколы вы,
Соколы перелётные
Соколы перелётные,
Вы далеко ли лётали? ¹

Свекровь снимает шаль, которой закрыто лицо невесты, все садятся за столы. Снова звучат величания. Пировали долго. На второй—третий день ехали «на перегостку» к родителям невесты.

Недозрелая калинушка, да её нельзя заломать.

Заломать...

Недоросла красна девушка, да её нельзя замуж взять.

Замуж взять...

У моей-то у хорошиё да есть два горюшка с собой.

Есть с собой...

Про одно горё не сказано, другоё — плакать не велел ².

Немного лирических песен традиционного слоя сохранилось в репертуаре варженских певиц. Но те из них, которые поются, любимы женщинами: уж если соберутся они петь, то не обходится без «Недозрелой калинушки», «Кого-то нет», «Об чем задумался, служивый», «Заныло сердечико», «Чуют, чуют кудерка», «Как в Обрадове». «Как же мне забыть их: сама прожила печаль, вот пою», — сказала нам одна из певиц в деревне Мякинницыно. Именно печаль, чистую светлую печаль несет в себе образный строй этих песен. Художественное переживание этого чувства в них особенное, созвучное мировоззрению и душевному строю самих певиц: в песне никогда про горе не говорится с обидой, с упреком, будь то печаль разлуки, горе вынужденного одиночества в женских песнях или тоска по родному дому, тяготы воинской жизни в песнях о солдатской службе.

Женские песни-раздумья о своей судьбе — «Недозрелая калинушка» и «Кого-то нет» — вобрали в себя удивитель-

ное богатство лирических песенных интонаций. К этой группе примыкает близкая к ним по музыкально-поэтическим образам песня «Об чем задумался, служивый» (№ 11). Все три песни объединены общим ладо-интонационным строем, приемами мелодического распева, музыкальной ритмикой. Во всех этих песнях мы найдем также общие мелодические обороты-попевки, характерные для местной певческой «школы».

Во многих деревнях по течению реки Юг любят песню «Чуют, чуют кудерка» (№ 12). Это крестьянская баллада о сбежавшем с караула рекруте, который, прибежав в отчий дом, не находит себе пристанища: от него отказываются даже родители. Текст песни поется на мотив известной в этих местах хороводной песни «Озеро глубоко». Такое необычное соединение признаков разных жанров не случайно в местной песенной традиции. Интонационная сфера по-особому распетой хороводной песни с повествовательным сюжетом оказалась настолько связанной в сознании местных певиц с тематикой о рекруте, не выдержавшем тягот воинской службы, что новая песня о местном парне, дезертировавшем с германского фронта в первую мировую войну, возникшая в двадцатые годы, имеет ту же самую интонационную основу¹. В этом можно убедиться, сравнив напев песни «Как в Обрадове деревне» с напевом песни «Чуют, чуют кудерка». В новой песне повествовательное начало выражено гораздо сильнее, чем в песне «Чуют, чуют кудерка»: исчез припев «ляли, ляли, люшень-

¹ О песне «Как в Обрадове деревне» в самой деревне Обрадово рассказали так: «Это было в двадцатых годах. Революция была. Дезертир сбежал из царской армии. На деревне Чекинево у него была знакомая — как в песне об этом сложено. А песню эту растягать надо. Под эту песню не плясали, ее так пели — она тревожная такая. Гриша этот всеславный парень был: курчавый, кровь с молоком... На каждой посиденке ее пели, и как споют, так заревут. А Дуня эта в Архангельск уехала, как Гришу-то убили...» Напев песни см. в разделе «Песни», № 13.

ки», песенная строфа строится фактически из одной краткой мелодической фразы-формулы, повторенной дважды. Скупой мелодический распев подчинен задаче размеренного произнесения песенного текста.

Своеобразный стилевой пласт традиционной лирики представлен в репертуаре варженских коллективов «короткими песнями на пологий голос», то есть медленными многоголосными частушками¹... К ним примыкает и песня «Заныло сердечико» (№ 14), в которой тот же, что и в частушках, принцип образования многоголосной фактуры — «наслаивание» голосов друг на друга. В песнях же более раннего происхождения многоголосная ткань возникает на основе двух функционально самостоятельных голосов.

«У нас поло́го ноют — как сказку сказывают», — поясняли женщины в деревне Мякинницыно. И действительно, неторопливая, обстоятельная манера распева, пожалуй, наиболее ярко характеризует местный музыкальный стиль. Варженские певицы никогда не поют слишком громко и напряженно, хотя всегда песня у них звучит в полный голос. Характер излюбленных музыкально-поэтических образов, песенных интонаций удивительно созвучен их манере говорить, рассказывать, степенным их движениям, мягкости и сердечности в общении друг с другом.

Как ни различны в своей жанровой основе лирические, плясовые, игровые, свадебные песни, все их объединяет в одно целое ряд общих стилевых особенностей, выработанных в исполнительской практике.

Местному песенному стилю присуще развитое многоголосие, удивительно наполненная, «пульсирующая» вертикаль, где каждый тон возникающего созвучия как бы «развернут», украшен проходящими и вспомогательными

¹ См. раздел «Песни», № 15.

Песенницы деревень Ворошнино и Мякинницыно. 1977 г.

звуками. Вместе с тем в песнях Варжи нет протяженных распевов, диапазон голосов невелик, в композиционном отношении песни не сложны. Зато тонкая, иногда едва уловимая слухом «игра» высоких и низких ступеней на протяжении одной песенной строфы (см. песни № 9, 10, 11) наполняет звучание особым интонационным богатством. Такая «игра» более всего присуща лирическим песням.

Ладовая опора на кварту и квинту, мелодическая самостоятельность каждого из двух ведущих голосов обусловили особое, варьируемое интонирование терцового и секстового тонов. Терция, как и секста, может, в соот-

вѣтствии с логикой мелодического развития, менять наклонение на протяжении одной строфы или от исполнения к исполнению. Однако такая «игра наклонов» не осознается исполнителями как специфическое выразительное средство: колорит создается ими произвольно. Главным выразительным моментом для них является ясное и координированное для всех участников ансамбля произнесение песенного текста, стиха («вместе выводить на поворотах»), а ладовая окраска не так важна. Важно другое — замечательное ощущение голосоведения, чувство ансамбля, при котором все изменения ладового наклона безошибочно угадываются партнерами. В экспедиционных записях имеются различные по наклонению варианты песни «Недозревшая калинушка»¹, записанные в один и тот же день от одного коллектива, и всегда строй, который «задают» запевала и исполнительница, ведущая верхний голос, поддерживается и развивается остальными участниками коллектива.

В ансамбле, особенно небольшом, таком, например, как ворошинская «пятерка» подруг-мастериц, каждая из певиц придерживается излюбленной мелодической линии, обусловленной возможностями ее голоса и функциональностью голосов в фактуре. В пении ансамбля основное внимание уделяется крайним голосам, которые и являются ведущими. Пространство между этими голосами часто заполняется терцовыми созвучиями, придающими звучанию своеобразную полноту. В особо важных моментах (на основных опорных тонах) голоса сходятся в унисон.

В Ворошнине запекает обычно Агния Федоровна Ворошнина, обладающая низким, густым по тембру голосом. Она и ведет основную линию нижнего голоса. Однако как правило тембровая окраска крайних голосов в хоровой партитуре варженских песен не очень отличается друг от друга. Ворошнина Александра Федоровна владеет мастер-

¹ См. раздел «Песни», № 9 а, б, в.

ством ведения обеих основных мелодических линий — верхнего и нижнего голосов. В Мякинницыне верхний голос наиболее ярко звучит в исполнении Марии Ивановны Третьяковой. Конечно, у каждой певицы есть своя, особенно любимая песня, которую она обычно и начинает.

.. Внимательно вглядываемся в старые фотографии, где наши певицы молоды. Эти мягкие, неторопливые и не особенно говорливые женщины выстояли против голода и холода, против болезней и отчаяния, против одиночества. Плуг и соха, топор лесоруба, веское мудрое слово на деревенском сходе и безмерная ответственность за то, чтобы не прервалась нить жизни, нить традиции — все это досталось им, легло тяжким бременем на их женские плечи. И они оказались готовы к такому испытанию — не растеряли, сберегли для своих детей богатство, добытое предыдущими поколениями. Наш с вами долг — принять в душу это богатство и в свою очередь приумножить его.

«Народное искусство — культура созидательная, выражает историческое сознание народа. Только то, что создается, а не присваивается, что, создавая, не рвет связи с ценностями прошлого, становится действительно культурой»¹. Роль традиционного народного творчества в формировании духовной культуры наших современников и тех, кто будет жить после нас, трудно переоценить. Старинные песни, за которыми стоит огромный пласт народной жизни, являются частью современного культурного процесса. Они звучат в исполнении коллективов народных мастеров не только дома, в повседневном быту, но и со сцены — на праздниках и фестивалях фольклора. Варженские коллективы знают не только в Вологде и Великом Устюге, но и в Ленинграде. Наконец, грампластинка с записанными от них песнями сделала их искусство всенародным достоянием.

¹ Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. — М.: Изобразительное искусство, 1983, с. 102.

Варженские певицы — это только один из многочисленных деревенских ансамблей на Вологодчине, которая так богата замечательными этнографическими коллективами; среди них — ансамбли деревень Раменье Тарногского района, Федотовская Тотемского района, Другосимоновская Верховажского района, выступавшие в Вологде, Ленинграде и Москве, и многие другие. В этих коллективах традиционное певческое искусство живет новой жизнью, становится активным звеном культурно-массовой работы. Песня и древние фрески Вологодской Софии, расписные прялки и памятники древнерусской литературы, удивительная «музыка» местных народных говоров — все это звенья одной цепи, связующей времена и формирующей духовную культуру настоящего и будущего во всем богатстве и разнообразии проявлений национального, народного начала — нашу с вами духовную культуру.

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

П Е С Н И

1. Я качала-окала

Я ка_ ча_ ла_ о_ ка_ ла да по го_ лов_ ке хло_ па_

_ла, по го_ лов_ ке хло_ па_ ла да ма_ му с по_ ля гар_ ка_

ла: При ди, ма_мень_ка, до_ мой да по_ о_ бе_ да_ ём сто_ бой“.

Я качала-окала да по головке хлопала,
По головке хлопала да маму с поля гаркала.
— Приди, маменька, домой да пообедаём с тобой.

2. У дядюшки Трифона

$\text{♩} = 128$

У дя-дюш-ки Три-фо-на бы-ло семь сы-но-вей,
се-ме-ро, се-ме-ро, семь сы-но-вей, О-ни
не пи-ли, не е-ли, друг на дру-га всё гля-
-де-ли, ра-зом сде-ла-ли вот так.

The musical score is written on a single treble clef staff. It begins with a tempo marking of quarter note = 128. The melody consists of eighth and quarter notes. The lyrics are written below the staff, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes. The piece concludes with a double bar line.

У дядюшки Трифона было семь сыновей,
Семеро, семеро, семь сыновей.
Они не пили, не ели,
Друг на друга всё глядели,
Разом сделали вот так.

3. Летели две птички

$\text{♩} = 128$

Ле-те-ли две птич-ки рос-том не-ве-

The musical score is written on a single treble clef staff. It begins with a tempo marking of quarter note = 128. The melody consists of quarter and eighth notes. The lyrics are written below the staff, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes. The piece concludes with a double bar line.

лич-ки. Тут и ро-за, тут и я, тут и ми-ла-

я мо-я, тут и о-сень, и зи-ма

за-мо-ро-зи-ла ме-ня. Как о-ни ле-

те-ли все лю-ди гля-де-ли. Тут и ро-за,

тут и я, тут и ми-ла-я мо-я, а

тут и о-сень и зи-ма за-мо-ро-зи-ла ме-ня.

Летели две птички ростом невелички.
 Тут и роза, тут и я, тут и милая моя,
 Тут и осень, и зима заморозила меня.¹
 Как они летели — все люди глядели.
 Как они садились — все люди дивились.
 Как они вставали — все люди зевали.

¹ Припев «Тут и роза, тут и я...» поется после каждого стиха.

4. Ходит Борисушко

$\text{♩} = 121$

Хо-дит Бо-ри-сушко круг го-ро-да, и-щет Бо-

-ри-сушко лас-ко-ву тѣшшу, лас-ко-ву тѣш-шу, при-

-мет-ну-ю не-д-вес-ту. „Ты ли мо-я тѣш-ша, у

тя до-чи не-вес-та, в-тя до-чи не-вес-та, в-ме-

-ня сын же-нних, У ме-ня сын же-нних, я по-сва-та-ю-ся.

Ходит Борисушко круг города,
Ищет Борисушко ласкову тѣшшу,
Ласкову тѣшшу, приметную невесту.
— Ты ли моя тѣшша, у ты дочи невеста,
В ты дочи невеста, в меня сын женних.
У меня сын женних, я посватаюся.

А тут и спрашивают: «Отдашь ли, не отдашь ли?»

5. Хожу я, гуляю вдоль по хороводу

$\text{♩} = 128$

Хо- жу я, гу- ля- ю вдоль по хо- ро- во- ду, ро-
 -зо-чка а- ла- я. Иш- шу ль, вы- би- ра- ю
 до- ро- го- ва тес- тя, ро- зо-чка а-
 -ла- я. Я сыс- кал, я на- шёл до- ро- го- ва
 тес- тя, ро- зо-чка а- ла- я.

Хожу я, гуляю вдоль по хороводу.
 Розочка алая.¹

Ищу ль, выбираю дорогова тестя.
 Я сыскал, я нашёл дорогова тестя.
 Ищу ль, выбираю дорогую тещу.
 Я сыскал, я нашёл дорогую тещу.
 Ищу ль, выбираю шурина весёлова.
 Я сыскал, я нашёл шурина весёлова.
 Хожу ль, выбираю милую сестрицу.

¹ Припев «Розочка алая» поется после каждого стиха.

Я сыскал, я нашёл милую сестрицу.
 Хожу ль, выбираю дорогова братца.
 Я сыскал, я нашёл дорогова братца.
 Хожу ль, выбираю милую невесту.
 Я сыскал, я нашёл милую невесту.
 Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
 Как я гуляю с милою семьею.
 Наварю я пива — прямо тестю в рыло.
 Напеку я пирогов — береги, тёшша, зубов.
 Обседлаю я коня — милый шурин со двора.
 Милая сестрица — ты нам не жилища.
 Милый братец, не сердись, поскорее уберись.
 Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
 Как я гуляю с милою невестой.
 Милая-милая, радость дорогая.
 Сядем-ко в карету, которой у нас нету.

6. Соколы вы

$\text{♩} = 128$

Со - ко - лы вы, со - ко - лы вы, со - ко -
 - лы пе - ре - лёт - ны, со - ко - лы пе - ре -
 лёт - ны, вы да - лё - ко ди лё - тят, вы да -

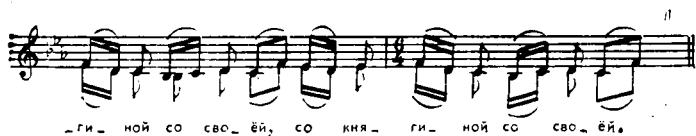
Соколы вы, соколы вы,
 Соколы перелётные,¹
 Вы далеко ли лётали?
 — Уж мы лётали, лётали,
 Уж мы с городу на город,
 Уж мы с терему на терем.
 — Вы кого, кого видели?
 — Уж мы видели, видели
 Серу утицу на море,
 Красную девицу в тереме.
 — Вы о чём её не привезли?
 Уж мы привезли, привезли,
 Ко злату венцу съездили.
 Уж мы злат венец принjali,
 Закон божий исполняли.

7. Ой, из кутн по лавке

Ой, из кутн по лавке бо...

...а... по сидит, всё бо... я... по сидит, Ой, кутн из бо...

¹ Далее каждый стих повторяется.

Вариант многоголосного распева начала песенной строфы:

Ой, из кутн по лавке
Всё бояра сидят, всё бояра сидят.

Ой, кто из бояр, кто из бояр
У нас лучше всех, у нас лучше всех?

Ой, лучше-получше, лучше-получше
У нас князь молодой, у нас князь молодой
Со княгиней со своей, со княгиней со своей.

Ой, где князь-от сидит, где князь-от сидит,
Тут не надобно свечи, да тут не надобно свечи.

Ой, светят у его, ой, светят у его
Золотые венцы, золотые венцы.

Ой, золоты венцы, золоты венцы
Со надкресточками, со надкресточками.

8. Чарочка

$\text{♩} = 120$

Ча-роч-ка, ча-роч-ка се-реб-ре-на-я, ой,

ко-му э-ту ча-рочку пить-вы-пи-вать, ой, пить-вы-пи-

-вать у нас? На-стась-юш-ке, эй, пить-вы-пи-вать, у нас Ва-

-сил-ь-ёв-не на здо-ровь-е, на здо-ровь-е, на здо-ровь-е до е-ё,

Чарочка, чарочка серебряная, ой,
 Кому эту чарочку пить-выпивать, ой,
 Пить-выпивать у нас? — Настасьюшке, эй,
 Пить-выпивать у нас Васильёвне
 На здоровье, на здоровье,
 На здоровьцо её.

9 а. Недозрелая калинушка

♩ = 58-60

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти строк нот. Каждая строка имеет свои подстрочные тексты. В начале первой строки указано темп «♩ = 58-60». Музыка написана на одной октаве в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и ритме 2/4. Встречаются различные ритмические значения, включая восьмые и шестнадцатые доли. В некоторых местах используются скобки и двойные вертикальные черты (||) для обозначения фразировки или повторения. В конце первой строки ноты закрываются скобкой, которая продолжается на следующей строке.

Не до зре-ла-я ка-ли-нуш-ка, да е-ё
 нель-зя за-ло-мать. За-ло-мать... Не до-
 рос-ла крас-на де-вуш-ка, да е-ё
 нель-зя за-муж взять. За-муж взять... У мо-
 ей-то у хо-ро-ши-ё да есть два

Недозре́лая калинушка, да её нель́зя заломать.

Заломать...

Недоросла́ красна́ девушка, да её нель́зя заму́ж взять.

Заму́ж взять...

У моей-то у хороши́е да е́сть два го́рюшка с собо́й.

Е́сть с собо́й...

Про одно́ го́рё не сказа́но, друго́е — пла́кать не велел.

Не велел...

Ты наплачешься, навоеешься да когда́ не бу́дет меня́.

Меня́... Ой,

Когда́ не бу́дет, не бу́дет да дру́жка в солдаты́ увезут.

Увезут...

Увезут дру́жка в солдатушки́, сама́ я заму́ж убе́гу.

Убе́гу...

Я бе́гу, бе́гу скорёшенько́ да по кали́нову́ мосту́.

Мосту́...

По кали́новому́ мости́ку да тро́йка коню́шей бе́жит.

Ой, бе́жит...

Не мою́ ли расхоро́шую да ко́ злату́ венцу́ везут.

96. Недозрелая калинушка

$\text{♩} = 55-60$

Не до зре ла я ка ли нуш ка да
 в е нель зя за ло мать За ло
 мать... Не до рос ла красна де вуш ка да
 е б нель зя в за муж в зятья

9в. Недозрелая калинушка

$\text{♩} = 54$

Не до зре ла я ка ли нуш ка да
 е б нель зя за ло мать За ло

-мать.. Не до- рос-ла крас-на де- вуш- ка, да
 о- ё нель-зя взя- муж взять.

10. Кого-то нет

$\text{♩} = 56$

Ко- го- то нет, да ко- го- то
 жаль, да у- ёз- жа- ёт-то ми- лоё
 вдаль. У- ез- жа- ёт-то, по- ки-
 - да- ёт не де- ви- це- ю, не вдоб

_ вой. На по- ми- но-чок о- став-
 _ ля- ёт с ру- ки пер- стень-от и- мян- ной.

Кого-то нет, кого-то жаль, да
 Уезжает-то милый вдаль.

Уезжает-то покидает
 Не девицею, не вдовой.

На поминочек оставляет
 С руки перстень-от имянной.

Я деньком-то носу на ручке,
 К ночи в головы кладу.

Перстень клала я, завещала,
 Чтобы виделся во сне.

Две пуховенькиё подушки
 Потонули да во слезах.

Соболезной одеялышко
 Не греет-то белую грудь.

Только греет-то согревает
 Тонкая белая простыня.

11. Об чём задумался, служивый

$\text{♩} = 64$

Об чём за_ ду_мал_ся было, слу_ жи_ вый, об чём го_

_рю_ вьшь ты, мо... ой мо_ло_дой? Служ_ба_

мат_ ка ли раз_ве на_до_ с_ ла, дак за_ бо_

лел твой ре_ ти_ во_й ко_нь? Ко_ню на

мес_ теч_ке бы_ло не сто_ ит_ ся, здо_ ров о_н(ы),

ве_ сел да гро... ой гром_ко р_жёт,

Об чём задумался было, служивый,
Об чём горюёшь, ты, мо... ой, молодой?

Служба-матка ли разве надоела,
Дак заболел твой ретивой конь?

Коню на местечке было не стоится,
Здоров он(ы), вссел да гро... ой, громко ржёт.

А коню хочется в село в родноё,
Да где отец-то, мати да живёт.

А недалёкоё было попоехал,
Да вижу миленькиё же да поля.

Вижу миленькиё да полёчка
Знать, несжатые о... ой, острова.

А за тем тёмненьким, темным лесочком
Да стоит старенькая да изба.

А в этой старенькой да в избушке
Живёт старушенька мати да моя.

Благослови меня, мати родная,
Да схать в дальные го... ой, города.

12. Чуют, чуют кудерка

The musical score is written in 3/4 time with a tempo marking of quarter note = 54. It consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). The lyrics are: Чу-ют, чу-ют ку-де-р(ы)-ка на се-бя че-. The second staff continues the melody and accompaniment, with lyrics: вго-ду да ля-ли, ля-ли-лю-ше-(и)-ки, на се-бя че-. The third staff concludes the piece, with lyrics: вго-ду, да на-ше-му-ту о-лень-ке ид-иво срд-. The music features a mix of eighth and sixteenth notes, with a steady accompaniment of chords.

Чуют, чуют кудерка на себя невзгоду, да
Ляли, ляли, люшеньки, на себя невзгоду. ¹

Да нашему-то Оленьке ² идти во солдаты, да...
Идти во солдатушки, на постах стоять, да...
На часах стоять, да оружье держати, да...
Оружье держати, да надо заряжати, да...
От казённа ружьца белы ручки щиплёт, да...
От тесных сапоженёк резвы ножки давит, да...
Ехал, ехал, папенька мимо караулу, да...
— Сбежу, сбежу, папенька, сбежу с караулу, да...
Бежал, бежал Оленька, бежал-торопился, да...

¹ Припев «Ляли, ляли, люшеньки» с повтором второго полустиха поется после каждой строчки (без частицы *да*).

² Оленька — уменьшительное имя от Алексей или Александр.

О сырую травоньку весь перемочился, да...
 У родного папеньки ночевать просился, да...
 — Пусти, пусти, тятенька, пусти обогреться, да...
 Родимая маменька, пусти обсушиться, да...
 — Пойди, пойди, дитятко, во чистой полё, да...
 Во чистом-то полюшке ветерком обдуёт, да...
 Ветерком обдуёт, да солнцем обогреёт, да...

13. Как в Обрадове деревне

Как в Об_ ра_ до_ ве в де_ рев_ не, да как в Об_

_ра_ до_ ве в де_ рев_ не, а чу, при_ е_ ха_ ли за

Гри_ шой, да чу, при_ е_ ха_ ли за Гри_ шой.

Как в Обрадове в деревне, да... ¹
 А чу, приехали за Гришой, да...
 Гриши дома не застали, да...
 «На Чекмёнёве», — сказали, да...
 Нашли Гришеньку на снях, да ...
 У Дуняши на коленях, да...
 Насти спрашивали немножко, да...
 Гриша выскочил в окошко, да...

¹ Далее каждый стих повторяется.

Под гору Гриша бежавши, да...
 Праву ноженьку сломавши, да...
 Да чу, винтовки зазвснели, да...
 Да Грише правой бок пробили, да...
 А Дуня с Настей заревели, да...
 Да повезли Гришу в больницу, да...
 Да там недолго Гриша ча́лся, да...
 Да через суточки скончался, да...
 Да как у Гриши кудри выются, да...
 Да как у Насти слёзы льются, да.

14. Заныло сердечико

$\text{♩} = 92$

За - ны - ло се - р(и) - де - чи - ко, за -
 - ны - ло, бо - лит, Вот у - чу - ла - мил
 по - мер, в мо - гил - ке ле - жит.

Заныло сер(и)дечико, заныло, болит.
 Вот учула — мил помер, в могилке лежит.
 В могилке лежит же, землёю зарыт.
 Он землёю зарыт же, песком завалён.
 Вот показывал ветер дорожку к нему,
 Дорожку к нему же, дружку к моему.

15. Частушки

♩ = 511

По-му-тит-ся да у-ля-жет-ся во клю-чи-ке во-

-да. А по-бо-лит да у-спо-ко-ит-ся сер-

-деч-ко у ми-ня. Не бо-ли, мо-ё сер-

-деч-ко, бо-ли у ми-ло-ва, че-да-

-вай е-му спо-ко-ю ча-си-ку е-ди-но-ва. Да я свь-

да го-рь.

че-рин в го-рь на бере-гу лю-бу-ва-ем-ся

Ко-го люб-лю, ко-го жа-ле-ю, с тем на-век рас-ста-ла-ся.

Помутится да уляжется во ключике вода.
А поболит да успокоится сердечко у меня.

Не боли, моё сердечко, боли у милова,
Не давай ему покою часику единова.

Да я с высокиё горы на берег любовалася.
Кого люблю, кого жалею, с тем навек рассталася.

16. Веселко

Ве-сел-ко ты, ве-сел-ко, да ве-се-ла-я го-ло-

-ва, ве-се-ла-я го-ло-ва, да не хо-ди ми-мо са-

-да. Ве-се-ла-я го-ло-ва, да не хо-

-ди ми-мо са-да. Ми-мо са-ду не хо-

Веселко ты, веселко, да веселая голова,
 Веселая голова, да не ходи мимо сада.¹
 Мимо саду не ходи да дороженьки не тори.
 Мил, дорожки не тори, худыё славы не клади.
 Худа славушка пройдёт, да никто замуж не возьмёт,
 Что ни барин, ни купец да ни удалый молодец.
 Что возьмёт ли, не возьмёт да горька пьяница-вдовец:
 Отцу-матери бесчестье, роду-племени покор,
 Всё покор да всё покор, да голова моя долой.
 С плеч головушка долой, да мне нельзя идти домой,
 Мне нельзя идти домой да к отцу к матери родной.
 Еще станет меня маменька выспрашивать —
 Скажет, где, дочи, была, да где, голуба, гуляла?
 Я во садике была да во зелёном гуляла,
 Цветы-яблоки щипала, на белое блюдо клала,
 На белое блюдо клала, на серебряной поднос,
 Подносила дружку милу во высок теремок.

17. Я вчор. молада

¹ Далее каждый стих повторяется.

-ру бы - ла, мла - денька, во пи - ру бы - ла, мла - денька, во бе -

-се - душ - ке, во бе - се - душ - ке. Я и

тут, мо - ло - да, я и тут, мо - ло - да, не спи -

-ва - ла - ся, но спи - ва - ла - ся,

Я вечер, молода, я вечер, молода,
Во пиру была, во пиру была.

Во пиру была младенька, во пиру была младенька,
Во беседушке, во беседушке.

Я и тут, молода, я и тут, молода,
Не спивалася, не спивалася.

Тёмным лесом шла, тёмным лесом шла —
Не боялася, не боялася.

Чистым полём шла, чистым полём шла —
Не шаталася, не шаталася.

Ко двору пришла, младенька, ко двору пришла, младенька —
Пошатилося, пошатилося,

За вереюшку, за вереюшку
Ухватилася, ухватилася.

— Стой, верейка-верейка, стой, верейка-верейка,
Содержи меня, содержи меня.

Содержи меня, верейка, содержи меня. верейка.
Бабу пьяную, бабу пьяную.

Не увидел бы он, не увидел бы он,
Свёкор-батюшко, свёкор-батюшко.

Не сказал бы он, не сказал бы он
Своему сыну, своему сыну,

Своему сыну, своему сыну,
Моему мужу, моему мужу.

18. Как у наших у ворот

$\text{♩} = 112$

Как у на_ ших, у на_ ших, у на_ ших у во_

рот, ай ля ли, у вс_ рот, ай ля_ ли, у во_

рот сто ял де_ вок, де_ вок, де_ вок ка_ ре_

Как у наших, у наших,
У наших у ворот,
Ай ляли, у ворот, ай ляли, у ворот
Стоял девок, девок,
Девок каревод,
Ай ляли, каревод, ай ляли, каревод —
Молодушок, молodusок,
Молодушок, девушок,
Ай ляли, девушок, ай ляли, девушок.
Меня, младу, младу,
Младу, кликали,
Ай ляли, кликали, ай ляли, кликали
На улицу, на улицу,
На улицу играти,
Ай ляли, играти, ай ляли, играти
С ребятами, с ребятами,
С ребятами малыми,
Ай ляли, с малыми, ай ляли, с малыми.

19. Красива девушка вила кудерышка

$\text{♩} = 124$

Кра- си- ва де- вушка ви- ла ку- де- рыш- ка, кра- си- ва

де- вуш- ка ви- ла ку- де- рыш- ка да на ре-

- ке о- ста- ви- ла ве- дё- руш- ка да на ре- ке о- ста- ви-

- ла ве- дё- руш- ка да бог на по- мошь не на гля- д(ы)- на

- я да бог на по- мошь не на гля- д(ы)- на

- я да по- че- му ты не на- ряд- на - я да по- че- му ты не на- ряд- на - я?

Красива девушка вила кудерышка,
Красива девушка вила кудерышка да ¹

¹ Далее каждый стих повторяется (без да).

На реке оставила ведёрushка, да...
 Бог на помощь, ненагляд(ы)ная, да...
 Почему ты не нарядная? Да...
 Почему не нарядилася, да...
 За водой поторопилася, да...
 За водой-то через вёрсточку, да...
 Карамели дали горсточку, да...
 У карамелюшки бумажка аленька, да...
 Из десяточка одна удаленька, да.

20. Да уж я, барони, не могу

♩ = 132

Да уж я, ба - ро - ни, не мо - гу, да уж я,
 ба - ро - ни, не мо - гу, не мо -
 - гу, не мо - гу, не мо - гу, мо - гу, мо -
 - гу. Да вот сту - пил ко - мар на но -
 - гу, да вот сту - пил ко - мар на но - гу, на но -

Вариант распела последней строфы:

Да уж я, баронн, не могу,
 Не могу, не могу,
 Не могу, могу, могу.
 Не могу, ...могу, ...могу.

Да вот ступил комар на ногу,
 Да вот ступил комар на ногу,
 На ногу, на ногу,
 На ногу, ногу, ногу.

Он всю мне ноженьку отдал,
 Да всю мне ноженьку отдал,
 Отдал, отдал,
 Отдал, ...давил, ...давил.

Да все суставчики повредил,
 Да все суставчики повредил,
 Повредил, повредил,
 Повредил, ...вредил, ...вредил.

Дай-ко, барони, топора,
Да дай-ко, барони, топора,
Топора, топора,
Топора, ...пора, ...пора.

Буду казнить комара,
Да буду казнить комара,
Комара, комара,
Комара ...мара ...мара.

Да покатилася голова,
Да покатилася голова,
Голова, голова,
Голова, глава, глава.

Да у серова комара,
Да вот у серова комара,
Комара, комара,
Комара, ...мара, ...мара.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 2, 3, 5, 7, 13, 17 записаны 1 июля 1976 года в деревне Мякинницыно Верхне-Варженского сельсовета. Исполнители: М. И. Третьякова, П. И. Попова, Е. В. Сдрогова, А. В. Жерихина. В исполнении № 7 участвует Е. Ф. Даровицына. № 15 и 19 записаны там же. Исполнители: М. А. Жерихина, А. А. Буторова, М. И. Третьякова, Е. В. Сдрогова, П. И. Попова, Ф. И. Жерихина, Е. Ф. Даровицына, А. В. Жерихина.

№ 4, 6, 9, 10, 12, 14, 16, 18, 20 записаны 2 июля 1976 года в деревне Ворошнино Верхне-Варженского сельсовета. № 4 исполняют Е. М. Сергеева, А. Ф. Ворошниина, А. С. Ворошниина. В исполнении остальных песен участвуют, кроме названных певиц, М. Г. Ворошниина и Ал. Ф. Ворошниина.

№ 8 записана в деревне Мякинницыно 2 июля 1977 года в совместно исполнении коллективов из деревень Ворошнино и Мякинницыно (исполнителей см. выше).

№ 1 записана в июле 1976 года в деревне Косарево Усть-Алексеевского сельсовета. Исполнительница — Т. В. Елфимова.

№ 11 записана 6 июля 1976 года в деревне Кононово Теплогорского сельсовета. Исполнители: М. П. Шорохова, Е. М. Шорохова, А. Е. Козлова.

Все нотации выполнены автором.

Фонограммы хранятся в Лаборатории народного музыкального творчества Ленинградской государственной консерватории, коллекция № 36, шифры: № 1 — 586-39; № 2 — 580-12; № 3 — 580-13; № 4 —

581-02; № 5 — 580-11; № 6 — 584-24; № 7 — 580-30; № 8 — 675-01; № 9a — 582-29; № 9б — 584-01; № 9a — 584-29; № 10 — 584-02; № 11 — 588-04; № 12 — 582-28; № 13 — 580-07, 08; № 14 — 584-03; № 15 — 582-27; № 16 — 583-04; № 17 — 580-01; № 18 — 583-03; № 19 — 582-25; № 20 — 583-35.

В текстах песен, приводимых полностью, сохранено характерное для местного диалекта ёканье. Другие особенности диалекта — оканье, мягкое цоканье и т. д. — в случаях, когда они не связаны со спецификой песенного произнесения текста, приведены к нормам литературного языка, но легко могут быть восстановимы при замене звукосочетаний «-ого», «-его» на «-ова», «-ева», «ч» на «тс» (ц) и твердом произнесении «о». В случаях, когда приведение диалектных звукосочетаний к литературной норме нарушило бы песенное произнесение слова, эти особенности сохраняются (см., например, № 5, 15).